Денис Гуцко, Дарья Зверева

Сорокопуты

Рассказ

Солнце уходит — и все меняется. Блекнет нежная медь, гаснет. Проступает в загустевшей синеве задумчивый скуластый призрак — разверстой мутной глазницей пялится на перелесок, на пристань, на изгиб реки. Вода погасла, деревья плечом к плечу замерли над самым обрывом.

Не вставая с кресла, Зоя кидает полено в жаркий, весело потрескивающий камин.

Андрей: Да хватит пока. Накочегарила!

Перегнувшись через спинку, Зоя находит взглядом Сергея.

Зоя: Серюня! Ты где пропал?

Вдохнув полной грудью, Сергей пропевает в распахнутое панорамное окно: «Ляпота!», — идет к столу.

Зоя: Ты все-таки пропустил первую рюмку, Серюня!

Сергей плюхается на диван.

Сергей: Как же хорошо, что выбрались, а! В детстве, помню, терпеть не мог с родителями на дачу. А им как медом намазано. Упашутся за день, вечером чаю заварят, сядут на веранде с видом на закат... мать отца за руку держит. Сейчас только понимаю... Мне вот так посидеть не с кем.

Зоя: Хочешь, я тебя за руку подержу?

Сергей: Зойка! Я вообще-то о серьезном. Что я хотел... Как же на природе-то охренительно! Все становится на свои места.

Толкает рюмку на середину стола — мол, пора еще по одной.

Сергей: Река, сосны... Камыш как будто горит. Заново рождаешься. Природа — это все-таки... дааа!

Зоя собирается ввернуть очередную шутку, но, встретившись взглядом с Андреем, раздосадованно фыркает, берет бутылку. Не отрываясь от ноутбука, Борис нащупывает бутерброд с семгой — и тут же получает шлепок.

Гуцко Денис Николаевич родился в 1969 году в Тбилиси. Окончил геолого-географический факультет РГУ. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Новый мир» и др. Автор книг, в том числе «Русскоговорящий» (2005), «Бета-самец» (2013), «Большие и маленькие» (2017). Лауреат премии «Русский Букер» (2005).

Зверева Дарья Валерьевна родилась в 1989 году в Ростове-на-Дону. В 2011-м окончила химический факультет РГУ. Книжный блогер, главный библиотекарь Донской государственной публичной библиотеки.

Зоя: Куда! Вот, с сыром. Эти пока не трогай.

Борис (продолжая править программный код): И сколько мы его будем ждать?

Сергей хватает со стола телефон.

Андрей: Ну он же просил не дергать. Сказал, приедет, значит, приедет. Что-то у него с Ириной.

Сергей: Вечно там у них драма-драма.

Андрей: Если я правильно понял, собачка ее сдохла. Трагически. Инцидент какой-то. И он срочно ищет такую же. На подмену. Ну, я так его понял.

Борис: А нафига?

Андрей (пожимая плечами): Не стал расспрашивать. Приедет, расскажет.

Сергей: Баба она, конечно, красивая. Но Шекспира многовато.

Он откидывается на спинку кресла.

Зоя успела разлить. Заметно, что новый поворот беседы ее не радует: левая бровь изогнулась, уголки губ сползли вниз.

Зоя: Пьем?

Незаметно подсовывает Борису бутерброд с рыбой: «Держи, деточка. Но только один».

Сергей: В общем, так скажу. Природа реально спасает! Живешь, лямку тянешь, кредиты, клиенты, как джунгарик в колесе. Жениться некогда. Бросаешь все, и на природу... и отпускает.

Андрей: Главное, чтобы природа к нам сюда не вломилась. Лесник сказал, медведь еще одного туриста порвал. Вроде насмерть.

Борис: А я говорил, давайте ружье попросим.

Зоя: Борюсик, солнышко, не отвлекайся. Утром добудем тебе ружье, бинокль, динамит. Жилет, как у Вассермана. А то испортишь сайт своим индусам, не отвлекайся.

Андрей: У меня, между прочим, похожая была история. С подменой. Правда, там улитки.

Сергей: Ну-ка, ну-ка. Почему мы об этом не знаем?

Андрей: История как бы не очень. Я их утопил.

Сергей: Улиток?

Андрей: Ахатин. Трех гигантских. В унитазе.

Зоя: Где ты их взял для начала?

Борис: Остановитесь.

Сергей: Мне вон кот на производстве в сменку нассал, и то я сдержался. А улитки-то что тебе сделали?

Андрей: А ты с ними имел дело? С ахатинами?

Сергей: В смысле?

Андрей: Ты их видел хотя бы?

Сергей: Ну, улитки. Что такого? В детстве они у меня тележки из спичечных коробков таскали.

Андрей: Сотрудница моя, Настя, попросила присмотреть. К матери уезжала. Я сначала старался, честно. Как раз выходные были. Трижды в день... трижды! Понимаешь ты? Моешь, вытираешь слизь. А я к Насте подкатить собирался. Так бы ни за что, конечно, не согласился. Она, когда привезла, рассказала мне, как их мыть. Встала на кухне: «Сейчас я тебе все покажу». Я, главное, только пообедал, тарелки в раковину поставил. И тут она позвонила. «Вот и мы с девочками». И прямо она над тарелками стоит, пальчиком ее моет. А эта тварина, когда втянется в домик свой, сложится так, сморщится... очень напоминает... ну...

Косится на Зою.

Зоя (схлопнув колени): Неожиданно!

Андрей: И я такой, весь на либидо, смотрю, как Настя там елозит, подставляет под струю... «Вот видишь, вот так, нежно, пальчиком». Киваю, рот до ушей. Да, да, Настя. Думаю, ничего, тарелки я выброшу, перчатки у меня всегда в запасе. Это ж не навсегда. Потом окупится.

Наполняет свою рюмку, рассматривает зачем-то на свет.

Андрей: Слизь они вырабатывают литрами, безостановочно. Дерьмо зеленым серпантином по всему аквариуму. Это если огурцы ели. После помидоров красный серпантин. Ползут и срут, ползут и срут. Одна через другую лезет и срет. У них там в аквариуме лестница, жердочка, как у попугаев. И со всего этого стекает слизь. Вязкая такая.

Ставит рюмку, так и не выпив.

Борис: Вы можете сменить тему? Пожалуйста.

Сергей: Пиши свой сайт, не отвлекайся.

Андрей: Пока мыл и тер, всосал бутылку вискаря. Перчатки не помогают. Кажется, что слизь по всей спине. Отмоешь их, и сам в душ. Лег спать, и посреди ночи встаю с ясной мыслью, что они выползли из аквариума и уделали мне досконально всю мою новую кухню. Подорвался... нет, сидят на месте. А я понимаю, что спать больше не могу. Как-то само собой вышло, взял тряпку, протер столешницу, потом холодильник. Внутрь заглянул. Понимаю, что бред, но ничего не могу с собой поделать, продукты начал проверять. Машинально. В каком-то коматозе уже. Выдраил всю кухню посреди ночи. На следующий день то же самое. Не выдержал, пошел гуглить, как от этой гребаной слизи избавиться. Думаю, может, амвей какой-нибудь есть специальный, аквариумный. И тут смотрю... Гугл сам мне рекламу подсунул. Я бы и не догадался. «Самые экзотические питомцы у нас. Ахатины гигантские, триста рублей штука». Я такой: сколько?! Открыл картинку, присмотрелся. Все одинаковые, как с конвейера. Ну, и... все решилось в один момент. Бочок еще шумел, а я на кровать и вырубился. Настя через неделю вернулась. Я ей домой трех ахатинов привез.

Зоя: Еще и отшпилил? Какой цинизм!

Андрей: Это было фиаско, братан... Все шло идеально. Ресторан. «Может, продолжим у меня?» И только до дела, мне мерещится ахатина. Вся такая... и усиками подергивает.

Зоя: Бедненький.

Со стороны реки — как будто под самым окном — хруст. Тишина — и снова хруст. Отчетливый, увесистый.

Борис: Срань господня! Он все-таки пришел!

Зоя: Борюсик, помолчи.

Тишина. Мягкий плеск волны на отмели. Торопливо, словно вспомнив о важном незавершенном деле, Андрей проглатывает водку, беззвучно возвращает опустевшую рюмку на место. Тишина.

Андрей: Нет. Все-таки кое с чем... и кое с кем лучше не соприкасаться. Даже не пробовать. Природа, конечно... да. Но все же пусть она...

Как будто отодвигает от себя что-то громоздкое.

Андрей: Там, в специально отведенных местах. Короче, по-любому нормальный человек такую живность у себя держать не будет.

Сергей: А фоточка ее есть?

Андрей: Что? Да ты загугли.

Сергей: Улиточницы фотка. Насти.

Зоя: Серюня, ну это уже клиника.

Сергей вскидывает руки — все, хорош — но Зоя еще не договорила.

Зоя: Срочно в «Тиндер»!

Борис: Вот лучше давайте про «Тиндер».

Зоя: Боря, сосредоточься. Сейчас медведь вломится, а у тебя дедлайн.

Борис: Я почти доделал.

Сергей разливает. Какое-то время молча изучают рюмки.

Андрей: Что-то мы зачастили.

Сергей: Ну... за ахатин не чокаясь.

Борис: Есть хочу.

Зоя: А у меня в детстве свинки были морские. Валентин и Валентина.

Сергей: Помните, в универе у нас парочка такая была?

Андрей: Они были Женя и Женя.

Прислушиваются к шуму двигателя на трассе: не свернет ли на грунтовку, к «Сторожке». Ветер, разминаясь, толкает рабицу забора, качает ветви. Двигатель стихает. Похоже, мимо.

Зоя: Однажды вылезли из клетки. Как раз в тот день, когда бабушке сестра Тамара из Нью-Йорка позвонила. Дозвонилась, застала. Сорок лет не разговаривали. Поссорились на почве эмиграции. Позвонила со смертного одра, буквально. И свинки мои в этот самый момент, когда бабушка заливается слезами всепрощения, перегрызают телефонный провод. Сами понимаете. Дедушка откачивает бабушку, я свинок вылавливаю по всей квартире. Сколько мне... лет шесть было. Я с бабушкой и дедушкой росла. Я рассказывала.

Сергей: Мы помним.

Зоя: Стали дверцу клетки проволокой заматывать. Но нужно же в клетке убирать. Вынимаешь их, сажаешь в ведро. И однажды я отвлеклась. Друганы в окно позвали, заболталась. Пока в комнату вернулась, они по скатерти выбрались и бабушкин паспорт обгрызли. Опять же, такое неприятное совпадение, паспорт на столе лежал. Я ждала светопреставления. Но Вера Ильинична отреагировала неожиданно мягко: «Юркие, шельмы». И всё. Ну и вот, приходим мы как-то с дедом с катка, свинок нет, в клетке записка. И бабушка мне: представляешь, уехали твои свинки к родственникам в Одессу. Слышу, дед поперхнулся, ушел на кухню. А бабушка свое. Вот, мол, записку тебе оставили, читай. И там, правда: «Дорогая Зоюшка, спасибо тебе за твою доброту. За нас не волнуйся. Мы уехали к тете в город-герой Одесса. У тети свой дом и много морковки. Твои Валя и Валя».

Громче всех смеялся Андрей. Зоя дождалась, пока стихнет смех.

Зоя: Я долго верила. До середины первого класса, наверное. Записку хранила.

Со скрипом открывается дверь. Все четверо вскакивают. Борис поднимает над головой ноутбук, воинственно булькает в руке Сергея схваченная за горлышко бутылка.

Входит Алексей. Делает два шага, скидывает капюшон и застывает. То ли усталый, то ли больной. В глазах как будто испуг.

Борис: Лёха! Чтоб тебя!

Сергей: Наконец-то! Чего не звонил?

Андрей: А машина? Ты где парканулся?

Алексей примеривается, с какой стороны удобней, обходит расставленные

вокруг стола кресла, садится. Взгляд в пустоту, руки шлепаются на колени ладонями вверх. Друзья переглядываются.

Сергей: Случилось что?

Андрей: Ты медведя встретил?

Борис: Так он здесь?

Сергей: Не, похоже, что-то другое.

Зоя: Ребят, хватит гоношить. Дайте человеку выдохнуть. Отойдет, сам расскажет. Андрей, давай. Я пока мясо разогрею.

Хватает блюдо с шашлыком, уходит к микроволновке. Закинув в рот оливку, Борис опускает ноутбук на пол за диван, устраивается возле Алексея. Раскручивается над столом молчаливая слаженная суета. Пока Андрей разливает, а Сергей расставляет тарелки, Борис сдирает крышки с контейнеров, освобождая салаты и закуски.

Борис: Зоя, запри там дверь, наконец!

Микроволновка звякает. Возвращается Зоя, ставит груду дымящегося мяса на стол, берет рюмку.

Зоя: Это ж моя?

Борис: Зоя, а дверь?

Зоя: Ну, что тут у нас? Поехали?

Разбирают рюмки, поднимают. И тут замечают, что Алексей так и остался сидеть — смотрит на Зою растерянно. Сергей показывает ему: хватай, — и тот решительно хватает и опрокидывает, не дожидаясь остальных. Снова переглядываются, пьют, раскладывают по тарелкам шашлык.

Зоя: Лёша, поешь.

Андрей: Так что там со свинками? Которые в Одессу уехали.

Зоя смотрит на Алексея, расстегивает ему куртку: «Тут жарко». Тот вынимает из кармана, кладет на стол телефон.

Зоя: Когда доперла, разобиделась, конечно. С бабушкой не разговаривала. И дед собрал нас и повел во Дворец пионеров на Садовую. И выяснилось, что до Одессы свинки мои не доехали, обосновались у местных юннатов в живом уголке. Разжирели, расплодились. А еще выяснилось, что бабушка все это время ходила туда, носила морковку и яблоки. И я подумала и простила. А через двадцать лет сестра моя сводная Алла оставляет мне племяшкиного хомячка на неделю. Я не думала, что Ламар до него доберется. Клетка же вроде закрыта. Прихожу с работы, выходит. Кладет к ногам моим. Гордый собой. Лев. Альфа-самец. Вот, дескать, всё для тебя. Схватила хомяка, помяла, подула. Может, со страху мертвым притворяется? Смотрю на Ламара, и он такой: «Ты серьезно? Конечно, он дохлый. Я свое дело знаю».

Андрей: И ты, дай угадаю, выдала племяшке всю правду?

Зоя: И с тех пор мы с сестрой не общаемся. И, думаю, именем моим и кота моего Алла пугает свою Дашку.

Прицелившись, Андрей бросает в камин обгрызенную мясную жилу. Огонь отзывается азартным шипением.

Борис: Давай, конечно, пусть по всему лесничеству...

Алексей: Я убил Марго.

Ждут продолжения. Алексей молчит.

Андрей: Ты же про собаку ее?

Алексей кивает.

Сергей: Да ты не стесняйся, Лёх. Ты тут среди своих.

Борис энергично жует шашлык, макает лаваш в томатный соус. Алексей поворачивается к Зое.

Алексей: Случайно.

Зоя: И она тебя выгнала. Так?

Алексей: Ира ездила в Турцию. В спа-тур. Восстанавливалась после депрессии. Мне плитку привезли в среду. Пока она там, я в сортире плитку менял. Старая была давящая. Цветовая гамма тяжелая.

Зоя кривится, как от зубной боли.

Алексей (обращаясь к Сергею): Пока я плитку во дворе принимал, Марго на грузчика тявкала. Я ее в дом закинул. Принял плитку. Пока раскидал ящики по цвету, перетаскал в коридор... завтрак мой стынет... в кои-то веки завалился с едой на диван, запустил «Металлику», концерт в Техасе. Маленькие радости. Это у нас табу, есть на диване. Крошки, пятна... В общем... настроение, помню, было обалденное. На редкость. Сажусь, и что-то хрустнуло. Подорвался... Но куда там. Без вариантов.

Гудит и пощелкивает камин.

Плещется река.

Орешник царапает оконное стекло.

Сергей: Но хорошо, что не при ней все-таки.

Алексей: Смотрю я на эту тварь и чуть не плачу. Что делать? Она же для нее вообще... и на маникюры с ней, и на йогу... собачьи салоны, кофточки... моя королева... И вот... королева... лежит, сука, язык на бок.

Борис: По-людски поесть сегодня не получится.

Алексей: И в голове моей — господи, помоги в последний раз, больше ни о чем тебя никогда не попрошу, на храм пожертвую, с отцом помирюсь, только из этого кошмара меня вытащи, пожалуйста. И я положил ее на пол, сел, доел свою яичницу с беконом. И грибами. Хоть и остывшая, но так давно хотелось... чтобы бекон, грибы, запах... Под Kill'em All... И сам собой выстроился план. Сфотографировал во всех проекциях Марго, завернул в полотенце. Вывез ее в Кумженку, похоронил. И начал искать. Позвонил бухгалтерше моей, она тойтерьеров разводит. Она говорит, есть, но все кобели. А у знакомых ее тоже было, но окрас не тот. Не рыжий с чернью, а коричнево-подпалый.

Андрей: Да, с ахатинами проще.

Алексей: Опять же, тупанул. Заводчики щенков продают, а мне-то взрослый нужен. Только время потерял. Бухгалтерша контактов накидала. Обзвонил всех. Есть рыжие с чернью, но взрослых никто продать не соглашается. Ни за какие деньги. Поехал по приютам. Чувствую, не в себе. Но что-то же надо делать. Не заметил, проехал на красный. Слева какой-то шумахер на «приоре», за малым не встретились. Затормозил в последний момент.

Борис наклоняется, смотрит в черный экран ноутбука, расчерченный белыми строчками кода, поднимается и запирает дверь на засов. На место не возвращается — идет к окну, за которым струится, посверкивает серебристыми чешуйками гипнотическая лунная ночь.

Алексей: В первый день все не успел объездить. На Портовой мне на ночь глядя кота навялили. Возьмите котика, привитый, красивый, к лотку приучен.

Зоя: Прям как ты.

Андрей: Зой...

Алексей: Думаю, это знак, испытание мне. Выручу котейку, искуплю, и все срастется. Отвез мурзика матери. Заночевал у нее, с утра два оставшихся приюта

объездил. Голяк. Пошел на «Авито», и там сразу повезло. Объявление. Буквально только что. Смотрю на фотки, вылитая Марго. Звоню. Как раз что надо. Полтора года, купили дочке, а у нее аллергия началась. Приезжаю. Так и есть. Рыжая с чернью. И девочка вся в слезах, отдавать не хочет. Расплатился, расспросил для вида о собаке, пытаюсь забрать, и ни в какую, не отдает, вцепилась, как клещ. Смотрю, мамаша уже дрогнула, глаза на мокром месте. Говорю ей... а сам прикидываю, если что, вырву из рук, до машины недалеко... у меня, говорю, прошлой весной дочка от анафилактического шока умерла, вы с аллергией не шутите, говорю, непредсказуемая вещь.

Зоя смотрит на Бориса. Тот закрывает лицо рукой.

Алексей: Тяну за ошейник, думаю, не задушить бы псинку, другого шанса может не быть. И пальцы девочке отгибаю.

Андрей: Реально трэш.

Алексей: Да. Пальцы отгибаю один за другим... такие, знаете, с ямочками... и вдруг, как резануло... хорошо, что у нас с ней детей нет. Что она боится в России рожать.

Обводит их взглядом, как будто ища подсказки.

Андрей: Давайте выпьем? Боря! Ты с нами?

Донышки взлетают кверху, пикируют на стол.

Зоя накладывает в тарелку Алексею мяса, нарезанных овощей, сыра, подает.

Зоя: Лёша, поешь.

Алексей послушно принимает, поддевает вилкой кусок сыра, механически принимается жевать. Смотрят, как жует, — следят, как за чем-то критически важным.

Алексей: Вода есть?

Зоя с Андреем одновременно поворачиваются к холодильнику, но Сергей выуживает откуда-то початую бутылку «Боржоми» — держи, брат.

Пьет долго. Вытирает губы о запястье, ищет крышку.

Сергей: У меня. Давай сюда.

Тянется пауза. Терпеливо ждут продолжения.

Алексей: Привожу ее из аэропорта. Трясусь, как Марго на ветру. Вижу, под гитарой лужа. Вытер, пока она руки мыла, успел.

Сергей: А кто у вас на гитаре играет?

Алексей: Она собиралась учиться.

Сергей: Она же на флористику собиралась.

Алексей: Ну вот... Выходит из ванной. Сам думаю, скорей бы. Подпихнул псину в ее сторону. Ну, потому что сил уже нет. И она к ней наклоняется, берет на руки. Обнимает, целует. Девочка моя, моя любимая, крошка, как я по тебе скучала, как ты тут без меня... И вот сижу я с ними за столом.

Сергей: С кем?

Зоя: Ну, с ними! Серый, не тупи!

Алексей: Сижу, слушаю... картошка не так пожарена, сметана в салате жирная... мясо это я есть не могу, ты же видишь, там кровь... как назло, рано вытащил из духовки, она терпеть не может, когда с кровью... насчет этого не дай бог... из-за паразитов... говорит, паразиты остаются... ну, и запах... у нее же к запахам особое отношение. Встал, выбросил мясо.

Андрей: И нафига все это?

Алексей: В общем, сижу, и от ужаса не могу дышать. Она же с Маргошей своей

не расставалась. Целыми днями... Как?! Как можно было не заметить? Что у тебя в руках другая собака. Вот, Серёга, если тебе двойника твоего Тайсона подсунуть, ты его разве не узнаешь?

Сергей: Да хоть из ста двойников. Это же моя собака!

Алексей: Вот.

Улыбается. Жалкий. Раненый.

Алексей: И я смотрю на нее и понимаю, что если бы я исчез... вот так, раз, и пропал однажды... и вместо меня подобрали бы похожего... усадили бы рядом с ней... вот тебе муж твой...

И осекается. И снова — жалобная улыбка.

Зоя подходит к камину, присаживается на корточки, подкидывает полено. Струйки и россыпи искр срываются и улетают под кирпичный свод.

Зоя: И черви из ушей.

Кочерга врезается в горящие головешки, выбивает облако золы.

Борис: Жалко собачку. В смысле, исходную.

Сергей: Да... история. Покруче ваших.

Борис: Ну, и дублершу. Если подумать. Жалко.

Сергей: С другой стороны, всякое же бывает. Приходится и потерпеть в чем-то.

Алексей: И она жила бы с этим двойником. И разницы бы не заметила.

Сергей: Лёш, Лёш, ну не придумывай.

Подтаскивает кресло вплотную к Алексею, наклоняется доверительно.

Сергей: Ты же ее любишь? Ну а что тогда... Я так скажу. Семья, брат! Семья, знаешь... А что мясо и вот это всё, так ты забей. И живи. К тому же, какой ты кулинар, нам известно. Помните, он чуть общагу не спалил, гуся запекал?

Оглядывается на Андрея, на Бориса, приглашая подхватить историю.

Сергей: Помните? На втором курсе, перед летней практикой.

Отмалчиваются, отводят взгляды.

Андрей: Луна какая.

Борис: Да.

Андрей: Вот бы сюда на Новый год приехать.

Борис: Можно.

Андрей: Представляю, как тут зимой. Лыжи возьмем.

Сергей: Лёха, ты не нагнетай. Ну, собачка. И что? Ну, не узнала.

Борис: Так ты коробку перебрал?

Андрей: Решил менять. То на то выходит. К тому же, с бэушной не угадаешь.

Борис: Я тебе сразу говорил.

Андрей: Телефон не забудь скинуть.

Борис: Да вот прям сейчас.

Алексей: Я знаю, что она вам никогда не нравилась.

Сергей: Ну не начинай еще и это. Прошу тебя!

Как будто распахнулась дверь, и ее обдало холодным потоком, Зоя обхватывает себя руками, молчит, смотрит.

Борис продолжает объяснять Андрею, почему лучше перебрать, чем заменить на б.у.

Сергей: Просто что-то у нас с ней не срослось.

Алексей: Я не в претензии. Понимаю. Но и вы поймите.

Снова пытается улыбнуться.

Алексей: Она сама как ребенок. Больной напуганный ребенок.

Сергей (как будто договаривая заученную скороговорку): Для брата всё, для нее ничего, мать занималась собой, отец пил.

Алексей: Не пил, а...

Сергей: Ах, да-да-да, вечно на работе пропадал. Ну, сколько можно, Лёш?

Алексей: Потому что это мать с ней сделала!

Сергей: Ну вот, сейчас подъедет «психотерапевт нам объяснил», диффузное «я», нарциссический стыд. Скоро сам психотерапевтом стану, Лёх. Давай выпьем?

Алексей: Каждый раз, когда включается это... что же ты за человек такой... как может совмещаться такая щедрость и мелочность... вот это вот ее... каждый раз я себе напоминаю, что дело не во мне. Что в ней проснулся ее глубинный страх. И она сейчас обороняется. Понимаете вы? От чего-то, что прячется в ее подсознании... А мне рикошетом, я же близко. Понимаете вообще, о чем речь?!

Сергей обреченно кивает: слушаю тебя, продолжай.

Алексей: ...как это страшно?! Когда пытаюсь осознать, чего она лишена... Чёрт! Даже сейчас... вот, мурашки... Живешь не изнутри себя... потому что нет никакого «себя»... а извне... пытаешься подсмотреть у других, какой ты. Вы представить это можете хотя бы на минуту?

Кочерга гулко врезается в чугунную решетку.

Зоя: Да хватит! Сколько можно себя уничтожать, убогий?!

Алексей втягивает голову в плечи, зажмуривается, пережидая крик.

И остальных накрывает волной: смотрят оторопело — слишком громко, слишком грубо.

Андрей: Зой, не надо.

Зоя: Так! Нахер! Ключи где?

Вспоминает, стремительно шагает через комнату.

Телефон на столе вибрирует. Вспыхивает экран — «Ирочка».

Алексей тянется.

Зоя: Сидеть!

Подскакивает, выхватывает из-под руки. Сбрасывает вызов.

Зоя: Не смей!

Алексей: Дай.

Сергей поднимается с кресла, разворачивается к ней.

Зоя отступает к камину, подносит телефон к огню.

Зоя: Вы меня знаете. Заткнитесь пока.

Борис не спеша, как бы гася накал, проходит от окна к дивану. Садится рядом с Андреем, усаживает Сергея.

Она небрежно помахивает телефоном.

Зоя: Есть такая птичка сорокопут.

Телефон в ее руке снова вибрирует. Сбрасывает, не глядя.

Зоя: Маленькая, симпатичная. С виду чистый воробушек. Зернышки, яблочки, жучки-червячки. Никогда не скажешь...

Сергей: Может, ему лучше ответить?

Уголком телефона Зоя проводит по прутьям кованой решетки.

Зоя: Так вот, никогда не скажешь, что хищник. А это, мальчики, тот еще хищник. И охотится эта симпатичная божья тварь очень необычным способом. Сорокопуты птички слабенькие. Для хищника, сами понимаете, неудачка. Но чрезвычайно продуманные. Приспособились, жить-то хочется. Хватают добычу, полёвку, например. Поднимают повыше. И оттуда херак... простите... брюхом на колючки. На репейник,

допустим, на ежевику. На сучья острые. Могут на колючую проволоку. Если жертве повезет, она сразу подыхает. Если нет, помучается. А сорокопут, как проголодается, прилетает и поклевывает мяско, дербанит понемногу. Потроха на ветках завяливает.

В третий раз она не жмет на отбой. Всматривается в фотографию на экране. Красивая улыбка, наивный взгляд. Подходит, кладет перед Алексеем.

Он откидывается на спинку дивана, но глаза не открывает. Так и сидит.

Зоя (перекрывая мелодию звонка): В этот раз добычу она урвала... не промахнулась. Какой ты был, Лёша! Как я по тебе сохла! А теперь ты, как тушка на колючках... Мама ее не любила! Подумайте! Воробушек!

Она пятится к двери, сдергивает с вешалки куртку.

Зоя: Ты человеческое ей приписываешь, а она не человек. Другой вид. Она тобой питается, ты разве не чувствуешь?

Его рука скользит по столу, отыскивает на ощупь телефон.

Зоя выхватывает в последний момент.

Швыряет в распахнутое окно.

Алексей встает, выходит во двор.

В небе пусто. Над лесистым берегом светлеет, рваный край начинающегося утра мягко отражается в реке. Лодка бодает пристань. На газоне синим огоньком индикатора мигает телефон.